

СТАНИСЛАВСКИЙ

нане. В память об этом плодотворном содружестве театру и присвоили впоследствии имя великого пролетарского писателя.

Новая драматургия — пьесы Чехова, Горького — потребовала от театра подчинения всех компонентов спектакля единой цели — выявлению идеи драматургического произведения. Для этого понадобился новый тип режиссера — идейного руководителя театра. Таким руководителем в Художественном театре и стал Константин Сергеевич Станиславский. Он участвует в выпуске почти каждого спектакля, много играет.

Хотя актерская деятельность Константина Сергеевича высоко оценивалась критикой, сам он, как взыскательный художник, почти никогда не был доволен собой. Воспоминания о своих актерских увлечениях, ошибках, достижениях и срывах ярко переданы Станиславским в его книге «Моя жизнь в искусстве». Свои отдельные неудачи он воспринимает как призыв к дальнейшему изучению основ актерского искусства. Благодаря неутомимому труду, тренингу, бесконечным поискам и упорной работе над собой Станиславский в совершенстве овладел артистической техникой. Играв на сцене свыше 50 лет, он создал ряд незабываемых характерных образов, многие из которых представляют собой шедевры актерского искусства.

Станиславский-режиссер по глубине и блеску своего мастерства, вкусу, богатству фантазии не имеет себе равных. Он поставил на сцене Художественного театра многочисленные спектакли, принесшие его искусству истинно всемирную известность и славу.

ПОСЛЕ Великой Октябрьской социалистической революции наступил новый подъем неутомимого творческого духа Станиславского. Он поставил жемчужины мировой классики — «Женитьбу Фигаро» Бомарше, «Горячее сердце» Островского, и эти спектакли превращаются в события в театральной жизни молодой республики. Но самым большим художественным открытием по силе идейного воздействия на массы явился «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова — первый спектакль Художественного театра, отразивший судьбы революционного народа, его борьбу за свободу и счастье.

Развернув свой блестящий талант постановщика на заре Художественного театра и достигнув всеобщего признания, Станиславский, в сущности, мог бы и оставаться всеми признанным режиссером, этого багажа хватило бы любому на всю жизнь. Но для Станиславского этого было мало — он должен был двигаться вперед.

Неутомимый исследователь, уже на первых порах своей деятельности Станиславский, пристально изучая компоненты спектакля, приходит к непреложному выводу: главное лицо в театре — актер, и всю свою дальнейшую деятельность он посвящает обновлению актерского мастерства и поискам новых, высших форм реалистического искусства актера. Он приходит к мысли о необходимости создания теории о принципах и методах жизненно правдивой актерской игры. Таким образом возникает знаменитая

«система Станиславского» — целый ряд теоретических положений, добытых богатейшей практикой.

«Система Станиславского» представляет собой творческое руководство при создании роли и спектакля. Вместе с тем она является и педагогической системой, в которой тщательно разработаны основы профессионального воспитания актера. Свою систему Станиславский строит не на изучении приемов актерского ремесла, а на глубоком исследовании закономерностей творческой природы человека, которая, по его выражению, сама является великим художником и направляет творчество актера.

Стремясь к художественной правде, Станиславский первый из сценических деятелей во всей широте поставил вопрос об идейности нашего искусства. Основной задачей советского театра он считал идейное, духовное формирование человека — строителя новой жизни.

Театр должен углублять сознание зрителя, — писал Константин Сергеевич, — «уточнять его чувства, поднимать его культуру. Зритель, уходя со спектакля, должен смотреть на жизнь и современность глубже, чем когда он пришел в театр».

В 1938 году смерть прервала кипучую деятельность Станиславского. Он умер 75 лет от тяжелой сердечной болезни, сохранив до конца дней ясный ум.

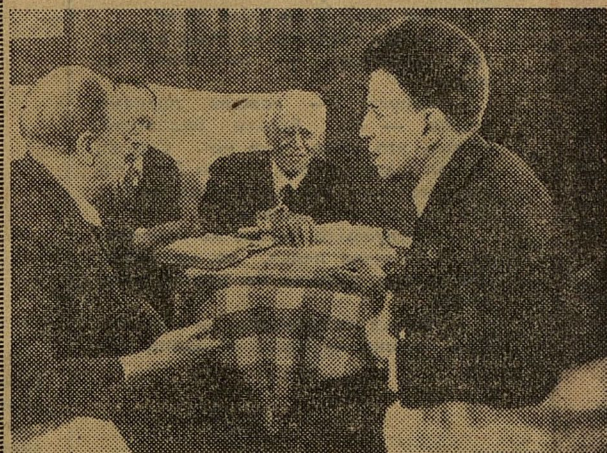
Но смерть великого артиста не оборвала того влияния и воздействия, которые он оказывал в течение всей своей жизни на театральное искусство.

Большое счастье для всех нас, что он оставил громадное литературное наследие (труды К. С. Станиславского изданы в СССР в 8 томах), которое питает и будет питать своими идеями творчество многих актерских поколений всего мира.

Его литературный шедевр — книга «Моя жизнь в искусстве», ставшая настольной книгой не только театральных деятелей, но и всех интересующихся искусством. Вслед за «Моей жизнью в искусстве» вышли теоретические труды Станиславского «Работа актера над собой» и «Работа актера над ролью».

Теоретические изыскания Станиславского, опирающиеся на закономерности живой природы, находятся в близком соприкосновении с учением великого физиолога И. П. Павлова. В этом сказался стихийный материализм Станиславского.

ОСУЩЕСТВЛЯЯ свои высокие цели, Станиславский не признавал никаких компромиссов. Он был человеком кристально чистой души. Его жизнь была непрерывным подвигом в искусстве. Он страстно и напряженно работал в театре и никогда не удовлетворялся достигнутым — оно очень скоро казалось ему уже устаревшим. И он стремился к тому новому, что виделось впереди. Этот скромный человек отличался исключительной самокритичностью, умел находить недостатки в своем творчестве даже тогда, когда вызывал восторг окружающих. Он не гнался за славой, а утверждал любовь к театру. «Любить искусство в себе, а не себя в искусстве» — вот его творческое кредо, которое он заповедовал своим ученикам и последователям.

ПРИВЫЧНЫЕ ЧУДЕСА

«У СТАНИСЛАВСКОГО всегда была живописная фигура. Очень высокого роста, отличного сложения, с энергичной походкой и пластичными движениями, как будто даже без малейшей заботы о пластичности. На самом деле эта видимая красивая непринужденность стоила ему огромной работы: как он рассказывал, он часами и годами выработывал свои движения перед зеркалом. В тридцать три года у него была совершенно седая голова, но толстые черные усы и густые черные брови. Это бросалось в глаза, в особенности при его большом росте. Очень подкупало, что в нем не было ничего специфически актерского. Никакого налета театральности и интонаций, заимствованных у сцены...»

Такой портрет Константина Сергеевича Станиславского набросал в своих воспоминаниях Вл. И. Немирович-Данченко.

Не чудо ли, что теперь мы можем своими глазами убедиться в верности этого портрета, увидев на экране самого Станиславского?

Совсем недавно, три года назад, мы отметили столетие со дня рождения Чехова. Но как-то не приходило в голову, что Чехов — поживи он немного дольше — мог быть запечатлен на киноленту. А близкий друг Чехова, соратник его по искусству, Станиславский оказался причастен к этому чуду, которое сейчас стало таким привычным, — к киносъемке.

Документальный фильм «Станиславский», созданный на Центральной студии документальных фильмов (сценарий А. Анастасьева, режиссер С. Бубрик, оператор П. Касаткин), ведет нас от любительской кинокартины, поставленной Станиславским в шутку, к серьезнейшим репетициям мольтеровского «Тартюфа».

К сожалению, при жизни Станиславского никак не ставилось задачи с полнотой запечатлеть на киноленту его репетиции, его беседы с актерами, занятия по «системе». Вот почему сознание уникальности собранных в фильме кадров, извлеченных авторами картины из архива, заставляет нас с особым волнением смотреть на экран.

Съемка 1918 года: шуточная сценка, разыгранная Станиславским, Качаловым, Лужским, Вишневым специально для кино.

Съемка 1928 года: Станиславский на перроне Белорусского вокзала встречает приехавшего из-за границы Горького.

В том же году: празднуется тридцатилетие МХАТ.

1934 год: Станиславскому вручается орден Ленина.

И, наконец, драгоценные кадры: Станиславский репетирует. Записан его голос. Уже смертельно больной, за год до кончины, он работает с актрисой МХАТ Бендиной над ролью Дорины в спектакле «Тартюф».

Спектакль этот был показан москвичам уже после смерти Станиславского, завершенный Кедровым и Топорковым.

В своей книге «Моя жизнь в искусстве» Станиславский сказал о Мольере: «Он описывает то, что видел и знает. Но как гений он знает *всё*».

Таким гением, знающим «всё», был и сам Станиславский. Грустно, что из этого «всего» на киноленту снято так мало. И все-таки после выхода на экран этой картины каждый из нас может сказать: я видел Станиславского.

«Ничего специфически актерского. Никакого налета театральности», — так говорил о нем Немирович-Данченко. И так же исследователи творчества Станиславского оценивали его театральную деятельность и его литературные труды: стиль ясный, точный, лишенный всякого напряжения, всякого стремления «произвести впечатление», стиль — в широком смысле слова — очищенный от стилистики, от стилизации...

А давно было сказано: стиль — это человек.

Может быть, стоило гораздо шире использовать в фильме речь самого Станиславского. Вот, например, как он начинает рассказ о себе в «Моей жизни в искусстве»: «Я родился в Москве в 1863 году — на рубеже двух эпох. Я еще помню остатки крепостного права, сальные свечи, кар-

елые лампы, таранасы, дормезы, эстафеты, кремневые ружья, маленькие пушки наподобие игрушечных».

Родиться через два года после отмены крепостного права и умереть за три года до начала Великой Отечественной войны — значит, прожить огромную эпоху. Эпоха эта запечатлена в сочинениях Станиславского удивительно ярко и образно. Жаль, что меткость и глубина высказываний Станиславского о жизни, об искусстве, о друзьях по театру остались вне фильма. Вообще в фильме не совсем удовлетворяет дикторский текст. От такого знатока театра, как А. Анастасьев, ждешь тонких оценок, интересного комментария, свежих наблюдений. А слышишь, увы, излишне приподнятые фразы: «озарил своим гением», «знаменовали великий творческий подвиг», «стал громкой и решающей победой» и т. д. И чтение текста, на наш взгляд, не удалось Л. Хмаре. Уж очень оно откровенно юбилейное, чересчур бодрое, искусственно подогретое. Уж очень плохо соотносится это чтение с тем, что мы видим на экране...

А на экране — пронизательное лицо Станиславского. Иногда утомленное. Иногда веселое. Веселость эта глубокая, пушкинская или мольтеровская что ли. Веселость ума, который «знает все».

Чудо, что мы можем увидеть его таким — не «глубокоуважаемым шкафом» юбилейных дней, а живым, деятельным, смелым и красивым Человеком.

Н. РОСКИНА

На снимках: кадры из фильма «Станиславский».